

рыцкого кургана, и с золотой бляхой из Верхнеудинска I в. до н. э. Находку с верхней Лены можно поместить между этими вещами. Автор правильно считает ее моложе нью-йоркской и старше верхнеудинской.

В статье С. М. Сергеева опубликованы результаты раскопок одного из курганов около села Красноярского, близ города Бийска, в 1929 г., давшие весьма редкую находку в виде вырезанных из кости принадлежностей конской узды, богато орнаментированных фигурами животных. В заметке приведены выдержки из дневника раскопок и дано описание частей конской узды. Автор сближает открытый им памятник по времени с курганами, исследованными в 1937 г. С. В. Киселевым около села Туяхты и условно названными скифскими. В заметке А. А. Мансурова «Старорязанские и пронские гончарные клейма» дана характеристика клейм этих двух городов и отмечена разница в их нанесении. Н. П. Милонов в заметке «Тверская печать XV в.» привел аналогии печати, найденной при раскопках Тверского кремля в 1936 г.

Статья И. И. Воронина «Хутынский столп 1535 г.» касается проблемы развития шатровой архитектуры в русском зодчестве.

Сборник заканчивается статьей М. Н. Грязнова, содержащей описание приемов изучения керамики и весьма полезной археологам и музейным работникам.

В целом сборник содержит ряд ценных статей историко-археологического характера, ряд интересных публикаций новых памятников. Однако нельзя не пожалеть, что в единственном крупном выходящем в данное время археологическом сборнике—«Советской археологии»—не нашли отражения наиболее важные и актуальные вопросы современной археологии.

Проф. А. П. Смирнов

Е. П. КРУПНОВ, *«Краткий очерк археологии Кабардинской АССР»*. Издание Кабардинского научно-исследовательского ин-та, Кабгосиздат, Нальчик, 1946.

Двадцать пятой годовщине советской Кабарды посвящает Е. П. Крупнов свою работу. Книга подводит предварительный итог долголетним работам историков и археологов о Кабарде. Литература о прошлом Кабарды невелика. Существующие работы, как правило, посвящены отдельным вопросам, исследованию отдельных памятников и не дают обобщающих выводов. Этот пробел, как отмечено в предисловии редактора, и пытается восполнить Е. П. Крупнов. Для воссоздания истории древних эпох первостепенное значение принадлежит данным археологии. Автор показывает, что человек на территории Кавказа появился в каменном веке. Если на описываемом пространстве памятников эпохи палеолита еще не найдено, то для периода неолита, особенно для эпохи, граничащей со временем появления металла, мы располагаем уже определенными данными, говорящими о жизни человека на территории Кабарды. Об этом свидетельствует стоянка на реке Кенже, находки близ Затишья в окрестностях Нальчика, находки на берегах рек Шамушки и Малки, на берегах Баксана, но особенно интересными и показательными в этом отношении являются раскопки Агубековского поселения и Нальчинского кургана. Находки в кургане и на поселении позволяют автору сделать определенные выводы в отношении образа жизни человека в то время. Это эпоха начала примитивного земледелия, эпоха матриархального родового строя, время перехода от низшей к средней ступени варварства. Путем сопоставления найденных вещей с находками из других мест становится возможным установить дату исследуемых объектов—вторая половина III тысячелетия до н. э.

На почве Кабардинской республики эпохе бронзы соответствует Долинское поселение близ Нальчика. Здесь открыты остатки жилищ в виде больших плетеных хижин, обмазанных глиной, с глинобитным полом, очагами и глиняной посудой. Среди вещей следует отметить находки каменных мотыг, зернотерок, вкладышей для серпов и т. д. Ряд черт сближает эти вещи с предметами, найденными в курганах на Кубани (в Май-

копе, на ст. Царской). К этому времени относятся и некоторые другие памятники Кабарды: курганы в предгорье, грунтовые могилы с каменными ящиками в горных районах. Отмечаются автором и наиболее типичные вещи: бронзовые плоские и вислобушные топоры, наконечники копий так называемого срубного типа, шилья, долота, медные украшения. Раскопки Долинского поселения позволяют говорить о земледелии и скотоводстве, об установлении патриархальных отношений, о появлении имущественного неравенства. Кое-что можно сказать и о религиозных воззрениях того времени.

Начало I тысячелетия до н. э.—эпоха наиболее интересная. Пышный расцвет бронзовой культуры падает именно на это время. Это эпоха так называемой кобанской культуры. Раскопки памятников этого времени дают большое количество предметов из бронзы: всевозможные украшения со сложными орнаментами, топоры, кинжалы, великолепные пряжки. По типу эти вещи напоминают изделия гальштатской культуры, распространенной в это время в Западной Европе. В Кабарде памятники этого времени были найдены у сел. Гунделен, Хабаз, Гернегенс, Каменномостное, Каштау и т. д. Ряд поселений кобанской культуры отмечен у сел. Заюково, Кызбурун, Атапсукино и в других пунктах.

Автор обращает внимание и на сходство некоторых предметов кобанской культуры с предметами скифского типа, восстанавливает на основании находок хозяйственный уклад эпохи, говорит об освоении высокогорных районов, о скотоводстве в них, о появлении лошади и приручении собаки, о земледелии и уменьшении в хозяйственной жизни удельного веса охоты; особенно пышный расцвет переживает металлургия, о местной сырьевой базе которой свидетельствуют остатки литейных мастерских. Человек в эту эпоху приготавливает сложные металлические сплавы и начинает употреблять железо. Автор отмечает несомненное наличие имущественного неравенства и патриархального рабства, указывает на войну, как на источник этого рабства. В книге приводятся любопытные свидетельства древних авторов о работорговле на Кавказе. В I тысячелетии н. э., по данным византийских писателей, Северный Кавказ населяют аланские племена. Автор устанавливает их местное, сарматское, происхождение. Большое количество памятников свидетельствует о значительной плотности населения в это время. Разнообразные типы памятников, в частности погребальных сооружений, говорят об его этнической пестроте. Памятники этой эпохи известны в окрестностях Нальчика (довольно крупного пункта в древности) у сел. Билым, Гижгит, Песчанка, Заюко и др.

При внимательном изучении городищ того времени можно установить некоторую систему в их расположении вдоль путей, речных долин, на удобных для обороны пунктах. Валы и рвы окружали их, дополнительные форты усиливали неприступность. Все это, а также значительная толщина культурного слоя являются яркими свидетельствами оседлого быта и социально-экономической дифференциации. Памятники Кабарды этого времени сходны с памятниками других мест Северного Кавказа (Северной Осетии, Грозненской области и других мест). Что касается экономики, то первенствующая роль, несомненно, принадлежит земледелию, а большое количество костей домашних животных говорит и об интенсивном скотоводстве. Говоря о предметах быта, автор отмечает, что именно в то время зарождаются многие типы современных вещей. Наряду с описанием вооружения автор характеризует алан как искусных воинов, отмечает их большую роль в событиях той эпохи, равно как и оживленные торговые связи их с соседними народами. С середины I тысячелетия н. э. начинает распространяться христианство и среди аланских племен. Автор приводит свидетельство известного византийского писателя VI в. Прокопия, назвавшего алан «христианами и друзьями ромеев», отмечает их быстрый культурный прогресс.

Книга написана простым языком, сжато и понятно. Но отсутствие иллюстраций является очень большим недостатком книги, ибо археологическая работа без иллюстраций наполовину теряет свое значение. Если специалисту-археологу понятна та или другая вещь по описанию, то рядовому читателю придется ограничиться неясным образом, созданным его собственным воображением.

К недочетам работы следует отнести и чрезмерный схематизм в изложении истории Кабарды эпохи позднего средневековья. Небольшой размер работы не может служить извинением этому.

Несмотря на это, в условиях отсутствия сводных работ по Кабарде появление книги Е. П. Крушнова является положительным фактом.

Н. В. Трубникова

СБОРНИК ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА ИМ. Н. Я. МАРРА АН АРМЯНСКОЙ ССР, т. I, Изд-во АН Арм. ССР, Ереван, 1946, 273 стр. Тираж 1500, цена 15 руб.

Вышедший в конце 1946 г. сборник содержит девять работ, часть которых была зачитана в качестве докладов на научной сессии Института языка имени Н. Я. Марра. По своему характеру работы распадаются на две группы: лингвистическую и филологическую. К первой относятся статьи: 1) В. А. Миханковой—«Старое и новое учение о языке», 2) Б. Б. Пиотровского—«Учение Н. Я. Марра о семантике и пиктографическое письмо древнего Египта», 3) Г. Гаспаряна—«Н. Я. Марр—лексикограф», 4) А. А. Мурваляна—«Суффиксы глаголов армянского языка». Ко второй группе следует отнести работы: А. С. Гарибяна—«Старое и новое арменоведение», 2) Л. М. Мелисет-Бека—«Древняя Русь и Армения», 3) А. Т. Ганалаяна—«Н. Я. Марр об армянском фольклоре» и 4) А. И. Мовсисян—«Н. Я. Марр и солидарность кавказских народов». Как указывается в кратком предисловии, все работы принадлежат последователям нового учения о языке и связаны с общими проблемами языковедения и нового арменоведения, основателем которого явился Н. Я. Марр. Труды показывают, в каком направлении идут лингвистические и арменоведческие работы Института. Сборник вышел под редакцией директора Института, профессора А. С. Гарибяна.

В ряде работ настоящего сборника затронуты темы, касающиеся древней истории. Характеризуя старое и новое арменоведение в лице его отдельных представителей, А. С. Гарибян останавливается на вопросе об этногенезе армян. Отвергая теории, характеризующие армян в качестве пришельцев с запада, автор, руководствуясь учением Н. Я. Марра, на основании лингвистических данных считает, что армянский народ образовался на территории исторической Армении. Культура этого народа, по мнению А. С. Гарибяна, является «закономерным развитием той культуры, которую в течение тысячелетий создали его предки—субары, митаннийцы, урартийцы, хайаса-армены и другие племена, роды и племенные группы» (стр. 68). Это тот вывод, к которому пришли представители нового арменоведения, пользующиеся методами исследования Н. Я. Марра. Этот вывод основывается на ряде капитальных исследований ученых Советской Армении, среди которых особенно видное место занимают: трехтомный труд по истории материальной культуры древнейшей Армении покойного проф. Х. Самуэляна и лингвистические исследования действительного члена Академии Наук Армянской ССР Г. Капанцяна по хеттским и халдскому языкам сравнительно с армянским.

Работа Б. Б. Пиотровского, члена-корреспондента Академии Наук Армянской ССР, посвящается пиктографическому письму древнего Египта под углом зрения учения Н. Я. Марра о семантике. Хотя статья и носит лингвистический характер, она дает материал по истории древнеегипетской культуры. Древнеегипетские идеограммы, как пишет автор, сохранившие пиктографичность в течение всего времени своего существования, обнаруживают семантические закономерности, охарактеризованные яфетическим языкознанием. Положение о том, что семантика определяется социально-экономической жизнью, иллюстрируется идеограммой «знатности», «благородства». Эта идеограмма изображает козла, на шею которого обозначена метка собственности. «Разве это не изумительная иллюстрация того, что в древнем Востоке частная собственность на животных являлась основным элементом для классового расслоения